

ДЕДУШКА

У каждого человека есть или когда-то был дедушка. В этом нет ничего необычного. У нас тоже был дед. Но наш дед был особенный. У него была такая пушистая и кудрявая, такая белая и мягкая, такая ну просто абсолютно необыкновенная борода, что не любить его было невозможно!

Да, мы очень любили своего деда. Хотя иногда и досаждали ему. Когда, например, наведывались в дедов огород, чтобы пошнырять по огуречной грядке или нарвать ещё тонюсеньких лопаточек гороха. А когда дед заставлял нас на месте преступления, то его голубые глаза сверкали, как у Бармалея, и он страшно ругался нам вдогонку: «Киёвники! Обозурники! Ужо я вас!». И гнался за нами с метлой. Но в глубине его сердитых глаз светился озорной огонёк, будто это не мы, а он сам несётся вприпрыжку к спасительной городьбе и, сверкнув босыми пятками, исчезает за её частоколом.

Не знаю уж, кто такие были эти «киевники» и «обозурники», но мне тогда казалось, что это очень плохие люди, что-то вроде пиратов или разбойников. Я до сих пор не имею понятия, что означают эти слова. Но, по крайней мере, в устах нашего деда Егора это были самые страшные ругательства.

А вообще он был очень добрый старик. Часто водил нас в лес за грибами. Не было, наверное, в посёлке человека, который в грибах разбирался бы лучше нашего деда.

Порыбачить любил. Иногда брал с собой на рыбалку мальчишек – Ваську и Серёжку. И мы со Светой часто за ними увязывались, благо речка была видна из окошек нашего дома. Мы сидели на берегу и бурно радовались, хлопая в ладоши, когда вдруг взлетала и, сверкнув на солнце серебряным бочком, плюхалась на песок маленькая рыбёшка. А дед улыбался в усы каким-то ребячьим восторгом.

123

А по вечерам мы все вчетвером залазили деду на колени, на плечи и теребили его пушистую бороду. Он ласково бранил нас киевниками и обозурниками, но не прогонял. Усаживал рядком на кровать, сам садился напротив на скрипучий стул и рассказывал нам удивительные истории о войне и революции, достойные любого многосерийного фильма.

Восемнадцатилетним наш дед был призван на службу в царскую армию. В 1914 году, когда на-

чалась Первая мировая, был отправлен на немецкий фронт. За боевые заслуги в этой войне был награждён Георгиевским крестом.

В 1917 году весь доблестный лейбгвардии Георгиевский полк, в котором служил дед, перешёл на сторону революционного народа и был направлен на штурм Зимнего дворца.

Рассказывал дед, как впервые увидел роскошь царских палат, как был поражён и в то же время возмущён тем, что один человек мог пользоваться таким богатством, а миллионы людей мёрзли и голодали.

Рассказывал он и про братоубийственную гражданскую войну, и про голодные годы становления советской власти, организацию первых колхозов. Много всего мы слышали от деда.

Но детская память особенно хорошо впитала в себя страшные рассказы о Великой Отечественной войне, на которую дедушка ушёл добровольцем.

Вот только один случай. Вёз однажды дед на лошади зимнее обмундирование для своей части. Когда переезжал реку, начался артобстрел. Один снаряд взорвался очень близко. Спасло только то, что снаряд проломил лёд и взорвался на дне. Лошадь вместе с санями стала тонуть. Дед в ледяной воде сумел выпрыгнуть лошади. Она сама выбралась на берег и деда вытащила за вожжи. Деда за утрату обмундирования хотели расстрелять, но друзья из части при помощи грузовика вытащили сани на берег. Обмундирование просушили, а деда простили. Да ещё и благодарность объявили за спасение лошади.

Конечно, на войне были и более страшные истории. Но их дедушка не рассказывал – щадил наши детские души.

За храбрость в бою дед был награждён медалью «За отвагу».

В 1943 году шли тяжёлые бои под Сталинградом. В одном из этих боёв разрывом снаряда наш дед был тяжело контужен и заживо погребён под холмом земли. Его откопали и вынесли с поля боя товарищи.

Не довелось дедушке побывать в поверженном Берлине. Домой вернулся израненным и глухим.

А дома свои беды. Из десяти его детей в живых остались только двое. Остальные не вынесли голода и холода военных лет. Но горевать было некогда. Надо было восстанавливать хозяйство. Дед был назначен председателем колхоза.

Много повидал наш дед: кулацкие расправы, сожжённые бандитами деревни, разрушенные войной города и измученных фашистами узников лагерей смерти.

Но видел он и самый счастливый день на земле – День Победы. Самой большой победы человечества над вселенским злом – фашизмом.

Вспоминал дед трудную свою жизнь, а по его седой мягкой бороде катились прозрачные капельки, а в голубых глазах почему-то светилась улыбка.

Давно это было. Нет уже деда. Но я только сейчас стала постигать, отчего плакал наш дедушка с улыбкой в глазах. Плакал он не от боли, не от горечи давно минувшего. Плакал от радости. За нас – своих внуков. За чумазых, но таких прекрасных сорванцов, у которых вся жизнь впереди. Плакал и улыбался оттого, что нам не довелось испытать бомбёжек, голода и холода, что над головой такое синее, бездонное небо с белыми, как голуби мира, облаками. Что где-то там за этими голубиными облаками летал сын Земли Юрий Гагарин, и, может быть, внуки его тоже взглянут на мир с такой неимоверной высоты.

Мы в космос не полетели, но всё-таки каждый из нас нашёл в жизни свою дорогу. И дедушка, наверное, мог бы нами гордиться.

Давно это было. Теперь дед лежит под берёзой на старом кладбище. На его тумбочке с красной звездой висит табличка:

*Фёдоров Егор Дорофеевич
6.05.1896 – 17.05.1976*

На фотографии – крепкий старик с седой окладистой бородой и лукавыми мальчишескими глазами.

Когда я прихожу на кладбище и приношу деду цветы, то всегда присаживаюсь на холмик и глажу на портрете дедушкину бороду. И шепчу про себя: «Киевники, обозурники...»

Людмила СЕДЕЛЬЦЕВА,
г. Анжеро-Судженск